

Последний ПОКЛОН

Галина Григорьевна Ариевич закончила ГИТИС в 1965 году (курс П.А.Маркова). Долгое время она работала в СТД-ВТО, в Конфедерации театральных союзов, была ответственным секретарем Лиги кукольников и главным экспертом, директором международного фестиваля "Кукарт" и одноименного журнала, работала в Государственном академическом центральном театре кукол имени С.В.Образцова, сотрудничала с режиссером, художником, сценаристом Резо Габриадзе. В театр "ОКОЛО дома Станиславского" Галина Григорьевна пришла в 1996 году. Ее должность называлась заместитель директора по связям с общественностью (пресс-атташе). Ей удалось создать незабываемую атмосферу, способствующую восприятию непростой эстетики театра, рожденную Юрием Погребничко и художником Юрием Кононенко.

Она была публичным человеком, ее знала вся без преувеличения общественность Москвы, да и не только Москвы. Она была театральным деятелем в прямом смысле этого слова, она делала дело Театра и во имя его. Выражаем соболезнования ее родным и близким. Светлая ей память.

Художественный руководитель театра "ОКОЛО дома Станиславского" Ю.Н.Погребничко, директор театра К. Заславский, коллектив театра.

В этот день Галина Григорьевна Ариевич могла бы быть нами довольна. Событий — тоже. Потому что на последний, печальный ее зов — пришли все. Все те, кого на протяжении многих лет она так настойчиво и целеустремленно приучала к этому театру. К театру, которому "со всем энтузиазмом, со всем иступлением", на каковые, как выясняется, способна отнюдь не одна только "пылкая молодость", были отданы ее последние годы, и ее последние силы — и ее, если угодно, Дар. Нет, разумеется, с приходом Галины Григорьевны в театр "ОКОЛО дома Станиславского", сам театр никак не переменялся. Просто, из театра "около" он незаметно превратился в театр "в центре". Она не только нас к нему

приучала — но и театр приучала к нам. Приучала, приучала — выяснилось вдруг, что этим, как всем (им самим в первую очередь) казалось, пожизненным анахоретам, вполне приятно и безразлично ощутить свою неодинокость, услышать вокруг себя столько созвучных голосов, увидеть столько загорающихся тех же светом глаз.

Дар Галины Григорьевны был, как мне кажется, сродни режиссерскому. Она абсолютно точно знала: для того, чтобы "театральный цикл" стал завершенным, законченным, необходимо последнее звено: зритель. А еще — зритель-критик. Вот этот последний акт и ставился ею: искусно, исподволь, так чтобы "швы" были абсолютно незаметны. В день премьеры, когда она нас встречала, мне всегда казалось, что где-то про себя, может быть, даже, и бессознательно, она "пересчитывает": все ли здесь? Постепенно, ее усилиями, "не своих" становилось все меньше. К таким, особенно "злостным", отношение ее было однозначное: человек, которому не дано понять спектакли ее любимого и ненаглядного "Юры" (имеется в виду, разумеется, Юрий Николаевич Погребничко), в ее глазах мало чего стоил. В лучшем случае снисходительной жалости, не более. Не знаю твердо, как на самом деле именовалась в штатном расписании театра ее должность — но тысячекратно осмеянному и сомпрометированному "пиару" Г.Г. возвращала его исконный, его истинный смысл. Ибо "public relations" в ее режиссуре становились именно человеческими отношениями и человеческим общением. Тонким, психологически выстроенным, абсолютно индивидуальным — одновременно спонтанным, интуитивным, подчас импульсивным, всегда вдохновенным.

Премьерных дней бывало, как правило, несколько: кто-то приходил в один, кто-то в другой, кто-то предпочитал прогоны. В день прощания с Галиной Григорьевной мы собрались все сразу. Как же нас оказалось много!

Быть может, только увидев воочию серое лицо Погребничко, я в полной мере осознал степень на всех нас обрушившегося сиротства. Вдруг отчетливо дошло: встречать нас у входа Галина Григорьевна больше не будет. Никогда. Разве что только рядом с портретами Юрия Кононенко и Евгения Шифферса повесят и ее портрет. Но, приходя, как всегда при ней приходили, в который уже раз вслушиваясь в володинский текст "С любимыми не расставайтесь", в который уже раз размышляя, "где тут про воскресение Лазаря?", мы будем думать и про нее тоже — в этом будет заключаться и ее собственное воскресение, и наше с нею — любимой! — нерасставание. Ведь спектакли Погребничко про это именно и поставлены. Про это и во имя этого.

Юрий ФРИДШТЕЙН